

Великий самозванец кисти

Богдан Сушинський

"Как только в тебе начинает
проявляться истинный талант,
рядом с тобой немедленно появляется
женщина, предназначение которой –
возвести тебя в гении!".
(из "эпохальных" рассуждений
главного героя этой новеллеты).

1

— Добро пожаловать в Лувр, мадам! – атлетического телосложения – облаченный в мощную мускулатуру то ли штангиста, то ли борца, — парень соизволил изречь сие с той высокомерной снисходительностью, с какой странствующей нищенке позволено было припасть к ногам короля. – Перед вами – спасенные шедевры Великого Самозванца Кисти.

На сей раз "Лувру" выпало расположиться на поросшей сочной майской травой прибрежном склоне Аркадии. А сам творец – рослый, широкоплечий, с мощным обнаженным торсом, резко контрастирующим своим изысканным аристократическим загаром с истрепанными, подкатанными до колен джинсами, — величественно возлежал на озаренном полуденным солнцем пригорке, словно поверженная статуя — посреди Большой Галереи, вызывая преисполненный только ему ниспосланного чувства достоинства и только им самим оправданного презрения к окружающему миру.

В самом облике этого странствующего маляра, в бесшабашности его позы и в неприкаянном безразличии при обращении к ней, Евгении почудилось нечто первозданно необузданное, подвластное разве что стихии его собственной ярости и собственного величия.

— Смею предположить, что все это бессмертие, — окинула она роничным взглядом растыканные по дождевым вымоинам, словно по музейным нишам, картины Великого Самозванца Кисти, а также кепку-афганку с несколькими измятыми гривнами, платой за просмотр шедевров, — ваше, досточтимый кабальеро?

— Все это, мадам, следует полагать, уже давно не мое. С некоторых пор "все это" принадлежит человечеству, ибо все это — Искусство есть... — чеканные, основательно приправленные сарказмом слова эти исходили откуда-то из-под наложенного на лицо выцветшего пробкового шлема времен колониальны воен Британской империи, за краешком которого Евгении Ковач открывался широкий, освященный глубоким косым шрамом, подбородок.

" Нет, вы только взгляните на эту божественную наглость! – умиленно изумилась

Евгения. – На это милое хамство "всяксоздающежестокого".

— Беда человечества заключается лишь в том, что оно все еще остается в счастливом неведении относительно появления на этих берегах Великого Самозванца от искусства.

— Как бы вам подходчивее объяснить, мадам? — хрипловато пробасил из-под колониального шлема обнаженный неофит Лувра. – Видите ли... "Все это", — то есть все то, что вам посчастливилось лицезреть в эти минуты, — и есть то, истинное, искусство...

— Кто бы осмелился предположить нечто подобное?!

— ... В отличие от всего того, что вы до сих пор подразумевали под искусством.

— Какая божественная наглость! – вновь, теперь уже почти очарованно, изумилась Евгения, понимая при этом, что знакомство их с самого начала не состоялось.

— Вы ведь еще даже не взглянули на его полотна, мадам!

Девушка, которую Евгения до сих пор благополучно умудрялась не замечать, восседала в двух шагах от Великого Самозванца, по-восточному скрестив ноги, в позе не ко времени распутившегося лотоса. И поскольку обращена она была лицом не к ней, а к художнику, то со стороны могло показаться, что творит молитву у распятого на склоне библейского холма мессии.

— Вы, насколько я заметила, тоже любуетесь не полотнами, — интонационно съязвила Евгения, — а все больше – грешной натурой Великого Самозванца Кисти.

— Никем я не люблюсь, — с подростковой непосредственностью обиделась пассия Великого Самозванца. – Картины эти... Да они передо мною даже в бреду предстают. Как христовы видения.

На несколько мгновений Евгения застыла с приоткрытым ртом. Все, чем она могла сразить, или хотя бы удивить, эту восемнадцатилетнюю девчушку, не имело решительно никакого смысла. Но то, каким тоном и с какой чувственной сосредоточенностью она признавалась в любви к творениям своего избранника, — само по себе заслуживало уважения. Уж в чем в чем, а в этом Ковач старалась быть справедливой.

— Великое воздействие искусства, мадам, — прокомментировал ее призывание автор полотен, не только не сменив при этом позы, но, как заподозрила Евгения, даже толком не взглянув при этом на нее. Впрочем, это — на нее, на Евгению Ковач, тоже, следует полагать, не на самое неудавшееся творения резца и кисти Создателя, только уже небесного. Что, конечно же, не могло не задеть ее самолюбия.

— На сей раз вы непростительно неточны, мэтр. Очевидно, имелось в виду не "великое воздействие искусства", как вы изволили выразиться, а воздействие великого искусства, что, согласитесь, не одно и то же.

— Катились бы вы отсюда вместе со своими амбициями и своей иронией, — заступилась за своего кумира девчушка. Но сказано это было так незло и по-житейски обыденно, что Евгения не то что не обиделась, но даже не ощутила неловкости.

— А ведь, пожалуй, она права, мадам.

— Кто же посмеет усомниться в правоте вашей музыки?

2

Евгения прекрасно понимала, что "обмен дуэлянтскими перчатками завершен, и ей и в самом деле пора бы красиво, не теряя лица, ретироваться. Но какая-то сила, некий, почти подсознательный, гонор – пока еще удерживали ее.

Все еще осеняя лицо снисходительной улыбкой, Ковач повнимательнее присмотрелась к девице. Короткая стрижка, смугловатое, чуть подсушенное южным солнцем личико, миниатюрный носик над еще более миниатюрным, коричневатым бантиком губ... И джинсовая юбчонка, не дотягивающаяся ни до интимно оголенных ляжечек, ни до заношенного, явно подросткового джинсового жилетика. Полоска ее метисного живота должна была восприниматься всей мужской частью человечества, как некий "пояс невинности".

"А ведь, если Великий Самозванец влюблен в эту девчушку – с грустной завистливостью молвила себе Евгения, – то уже основательно. А что, "Женщина Великого Самозванца Кисти"! Звучит. Считаю, строка в биографии, причем не только художника, но и его музыки".

Относиться к подобному определению – "Женщина Великого Самозванца Кисти" – можно, как угодно. Но, кто знает... Тебе-то самой стать Женщиной Великого Художника так и не посчастливилось. Из этого и следует исходить.

— Согласна, господа, будем считать мой визит сугубо ознакомительным. К сожалению, не была вовремя уведомлена об открытии вашей выставки-распродажи, так что, пардон, не готова.

— Из-за неплатежеспособности публики, аукцион шедевров опять отменяется, – безо всякой видимой досады огласил Великий Самозванец Кисти. Но Евгения почувствовала, что на сей раз устами его заговорило самолюбие человека, давно привыкшего к постоянному безразличию к себе, как, впрочем, и к постоянному безденежью.

"А ведь он умышленно достает тебя, – задело Евгению. Прекрасно понимая, что "публика" в самом деле неплатежеспособна... Во всяком случае, в эти минуты. Но почему этот божественный наглец решил, что на приморские склоны люди приходят не для того, чтобы наслаждаться морем и любовью, а чтобы покупать картины бродячих богомазов?

Она могла высказать ему все это вслух. Но это уже смахивало бы на стычку, а значит, и на "потерю лица" в сугубо японском стиле.

— Кажется, вы решили, что я обязана компенсировать ваши творческие и финансовые затраты на создание полотен, и оплатить свое собственное любопытство... — неспешно принялась она рыться в увешанных золочеными железками сумочке.

— На сугубо добровольной основе, мадам. Только на добровольной, и в виде пожертвований, – ничуть не смутился Великий Самозванец Кисти. – Но учтите: когда эти полотна окажутся в Лувре рядом с полотнами Сезанна, Моне и Ван Гога, стоять они будут значительно дороже. Даже в своих копиях.

Евгения извлекла из кошелька сложенную пополам долларовую банкноту и, подержав ее на весу, но так и не дождавшись, пока пассия Великого Самозванца взглянет на нее, бросила в кепку-афганку.

— Но на всякий случай, запомните, — назидательно произнесла она, обращаясь исключительно к творцу, — что работы названных и не названных вами импрессионистов и постимпрессионистов, — как-то Альфред Сислей, Писсаро, Гоген, Ренуар, Тулуз Лотрек и другие, — экспонируются не в Лувре, а в парижском музее д'Орсэ, считающемся самым прекрасным музеем Европы.

— Где-где?! — не смог скрыть своего удивления художник, и даже слегка приподнялся.

— В музее д'Орсэ, о, великий самозванец кисти!

Только сейчас парень снял с лица шлем и, еще больше приподнявшийся, заинтригованно взглянул на Евгению. А ведь до сих пор он действительно так и не потрудился разглядеть ее. Слышал только шаги да шепотом молвленное Ингой: "Корова какая-то приближается. Деловая вся, судя по шмоткам". И если бы не замечание относительно музея д'Орсэ, очевидно, так и не удосужился бы взглянуть на нее.

— Оказывается, вы тоже имеете какое-то отношение к живописи, к искусству? — почти добродушно, без иронии и подвоха, спросил он.

— Какое-то, может быть... — тоже до предела упростила свой тон Евгения.

— Странно?

— Что же в этом странного? Я ведь не вижу ничего странного в том, что, к примеру, вы и себя тоже считаете причастным к искусству, хотя казалось бы...

Парень промолчал. Как ни крути, а словесную дуэль он проиграл. Музей д'Орсэ. Имена неизвестных ему импрессионистов. Впрочем, из того, что касается мира искусства, он пока еще не знал очень многого.

Зато именно в те минуты, которые он пролежал здесь, на прибрежном склоне, его вдруг начали посещать те самые "христовы видения", которыми затем так искренне и благородно умудрялась маяться Инга. Они бывали кошмарными, бывали благостными.... Но всякий раз представляли в его воспаленном воображении в виде сформированных, законченных сюжетов. Когда Великому Самозванцу Кисти приходилось слышать от художников стенания по поводу "кризиса сюжета", он всякий раз поражался им. Хотел бы он знать, кто способен избавить его от всех тех "голгоф" и "тайных вечерь", которые наполняют его собственное воображение.

3

Между тем "корова" оказалась значительно моложе, нежели он мог предположить. И хотя ей уже было хорошо за тридцать, она все еще оставалась красивой той исконно словянской красотой, которая напрочь не признавалась современными топ-моделями, но по-прежнему будоражила воображение всяк созревшего для подобных святых страстей мужчины: вызывающе выпяченная грудь, широковатая, но почти идеально выточенная талия, завершающаяся сексуально-взрывным изгибом живота, и еще более

утонченным изгибом ягодич, плавно переходящих в икринные бутылочки ног... А дополняли этот изумительный портрет спадающие на лоб золотистые локоны и четко очерченные, чувственные губы.

"А что?.. В общем-то, да..." — вынужден был признать творец непризнанных полотен, так и не созрев при этом для более сформированной мысли.

Тем не менее Инга сразу же почувствовала, что Великий Самозванец Кисти основательно клюнул на ее фигуру и, затаив дыхание, следила за тем, как ее мужчина бесстыдно, хотя и мысленно, оголяет свою новую "натуру". "Ах, какая женщина, какая женщина, — накладывалась на ее ревность едва пробивавшаяся сквозь шумливую беспечность пляжа ресторанным-задушевная песня, — мне б такую!".

Впрочем, Инга и сама не заметила, как очарованно, почти по-лесбиянски, прикипела взглядом к, охваченному плотной серой тканью юбки и пиджака, телу этой женщины.

Сама Евгения в это время демонстративно не обращала на них никакого внимания. Но, уже уходя, как бы ради вящего любопытства, склонилась над небольшой, лежащей чуть в сторонке от других, картиной. Первого же взгляда было достаточно, чтобы Евгения немедленно ощутила потребность взять окаймленное дешевой рамочкой творение в руки, и, получше разглядеть его.

... Поле. Глубокие, зарождающиеся где-то далеко внизу, у порога едва различимой крестьянской хаты, и уходящие в поднебесье, могильно-черные борозды. Оголенный оратай, молитвенно обративший свой взор к багровому видению Христа, и натужно упирающийся в рало, которым служил ему... огромный крест, с распятым на нем Иисусом.

— Стоп-стоп! Тут что-то не то, — пробормотала Ковач, совершенно забыв, что произносит это вслух. — Что это за школа такая? Да, согласна: плавные мазки, при отчетливо рериховской прозрачности и ясности красок; чюрленисская космогиническая философичность... Но сюжет. Этот совершенно потрясающий сюжет! Какое, к черту, подражание?! Кому?!

Взволнованно облизав губы, Евгения вопросительно взглянула на Великого Самозванца Кисти. Он сидел, обхватив руками колени, и спокойно ждал ее приговора. Впрочем, сам создатель этой кратины совершенно не интересовал женщину. Тем более что лицо его под этим дурацким шлемом разглядеть она все равно не могла. Но картина... Этот анафемский сюжет...

— Так что же мы приумолкли, мэм?

— "Пошел бы ты! "Что же мы приумолкли?" — мысленно отмахнулась от него Евгения. Другое дело — картина. Она, действительно, больше не принадлежала этому Великому Самозванцу Кисти. Теперь она существовала сама по себе, вне воли и сознания Творца.

— Положив ее на место, Евгения горячечно сменила защитные очки на коррекционные "хамелеончики" и подошла к картине, лежавшей чуть выше по склону.

... Охваченные голубовато-сиреневым поводом кладбище. Кресты,

проклевывающиеся из воды, словно ростки бамбука. И мускулистый крестьянин, с силой опускающий в полупрозрачную гробоподобную "криницу" журавль с ведром-черепом...

"Бог ты мой! — опешила Ковач. — Да он хоть представляет себе, что именно выходит из-под его кисти?! Какими темами потрясает? Если это и бред, то совершенно не похожий ни на что до сих пор известное в искусстве, а потому — гениальный. И это вынуждены будут признать все, решительно все! Более изысканную фантасмагорию даже трудно себе вообразить".

Совершенно забыв о существовании здесь художника и его пассивности, Ковач ошалело хваталась то за одну картину, то за другую, лихорадочно пытаясь вспомнить при этом нечто подобное, которое бы встречалось в работах хотя бы одного известного ей художника. Однако ничего "нечто подобного" в известной ей — частью по репродукциям да копиям, частью по оригиналам — мировой живописи, воображению не являлось.

Евгения гордилась тем, что один известный художник назвал ее "профессионалом искусствоведения", в противовес господствующей на художественном рынке любительщине. Но больше доверяла другому, считавшему ее "прирожденной галерейщицей, основательно знающей свой предмет и свое ремесло". Да, она в самом деле была природной галерейщицей, бизнесменом от искусства. Хотя и сотворяла свой реальный бизнес в совершенной иной сфере.

— Послушай, парень, все эти работы — действительно принадлежат тебе? — вполголоса, почти шепотом, спросила она, предлагая, таким образом, забыть все, что было произнесено ими до сих пор. — Причем я спрашиваю об этом со всей возможной серьезностью, — уточнила Евгения, не отрывая взгляда от очередной картины, и даже краем глаза не отслеживая поведение Великого Самозванца Кисти.

— Вам ведь уже было сказано, что я — не торговец, — басистой хрипотцой, "под Высоцкого", просветил ее творец.

— Этого-то как раз и не было сказано, — вполголоса возразила Евгения, азартно покусывая нижнюю губу. — Кстати, талантливые торговцы живописью во все времена чтились так же благоговейно, как и талантливые художники. Ибо они сотворяли имена и имидж известных ныне мастеров кисти; обеспечивали их заказами, а значит, и хлебом насущным. Станете возражать?

— Не посмею.

— Первый признак того, что начинаете проявлять благоразумие, — молвила Евгения, всматриваясь в очередной живописный сюжет.

Теперь она вся уже пребывала во страсти коллекционера, внезапно наткнувшегося на россыпь таких экземпляров, которые не способен был ни толком оценить, ни тем более — немедленно приобрести.

— Не скажу, чтобы все это произвело на меня какое-то особое впечатление, — еще невнятнее пробормотала она, по привычке принимаясь сбивать цену, — при этом Ковач совершенно не заботилась о том, чтобы Великий Самозванец Кисти мог слышать ее

слова. На профессиональном жаргоне это называлось "толочь шелуху". А в умении по-настоящему "толочь" ее, сбивая цены, снизводя художника до роли просителя, молящего покрыть хотя бы расходы на холст, краску и раму... — в этом она преуспела.

— И часто вы случаетесь в этих местах, Великий Самозванец Кисти? — вот только произнести это свое "Великий Самозванец Кисти" с должным сарказмом она так и не сумела.

— Желаете что-либо приобрести?

— Я пока что ничего не желаю, — слабо заупрямилась Евгения, чувствуя, однако, что в этом поединке с художником и его пассивностью она уже потерпела полное поражение. — Кроме одного: знать, как часто вы появляетесь на этих склонах.

— Время от времени, — уперлась кулачками в худосочные коленки Женщина Великого Художника. — В перерывах между персональными выставками в залах Лувра.

— Не упоминайте всуе того святого для художника, о чем лично вы не имеете ни малейшего представления. Для художника Лувр — то же самое, что для католика Ватикан, или для мусульманина — Мекка.

— Да что вы говорите?! Уму непостижимо! Можно подумать, что вам уже приходилось...

— Приходилось, милочка, еще как приходилось!.. — упредила ее Ковач. И при этом про себя огрызнулась: "Знала бы ты, как некстати сейчас твое присутствие при этом деловом разговоре!".

4

Девчушка, действительно, мешала Евгении перевернуть неудавшуюся страницу знакомства с этим, невесть откуда явившимся на аркадийские склоны, живописцем, и заложить хоть какие-то основы нормальных отношений.

На какое-то время Ковач забыла святое правило, которое сама не переставала вдалбливать своим агентам из картинной галереи "Арт-XXI": "Никогда не знаешь, с кем имеешь дело! В любом подвале может ютиться Рубенс. В любом захудалом, убого смотрящемся посетителе галереи — полуподпольный миллионер, способный выкупить всю экспозицию, вместе с галереей, гидами и агентами".

Всего на несколько минут Ковач отреклась от этого своего "святого правила", и тут же снизошла до примитивного суесловия, за которое теперь вынуждена расплачиваться имиджем профессионала. Даже если бы на сегодняшний день этот парень ничего, кроме своего "Распятого пахаря", и не создал, он уже достоин был бы того, чтобы им заинтересовались все картинные галереи мира. Это говорит она, Евгения Ковач, удостоившаяся за свою мертвую коммерческую хватку жутковатого прозвища "Валькирия Мольберта".

— Одного не пойму, почему вы избрали для себя этот, почти безлюдный, склон? — обратилась она к художнику. — На что, при такой экспозиции, рассчитываете?

— Избрал все по той же причине — за неимением свободных ниш в Лувре или в д'Орсэ. Не зарезервировал, видите ли.

— До Лувра вам, положим, далековато, — резко осадил его Евгения.

Хотя тотчас же мысленно возразила себе: "А почему, собственно? Любого эксперта Лувра этот парень способен поразить уже хотя бы своими замыслами. Если, по твоей теории, рубенсы способны ютиться по подвалам, то почему бы им время от времени не появляться и на прибрежных склонах? Многие из того, чем увешаны стены д'Орсэ, вполне можно было бы заменить некоторыми работами этого художника. Но это уже тема не для аркадийской публики", — скосила Ковач глаза на парочку в плавках, которая, остановившись в двух шагах от эскпозиции, ничего не выражающими взглядами прошлась по картинам.

— В Одессе, следует полагать, вы тоже появились недавно?

— Можно подумать, что вам известны все художники города — с чисто одесской беспардонностью прокомментировала этот ее пассаж Женщина Великого Художника.

— Это я, Ковач, известна им, дитя мое, — вот в чем изюминка! Приищем многие из именитых художников искренне гордятся этим знакомством.

— Все верно, — поспешил вклиниться в их перепалку Великий Самозванец Кисти, — в Одессе я всего лишь полтора месяца.

Он уже понял, что, хотя "набрела на него" эта женщина совершенно случайно, однако в мире искусства случайной она быть не может.

— Вот именно — полтора, — с необъяснимой мстительностью утвердилась в своей догадке Евгения и, не взглянув более ни на картины, ни на их творца, направилась к прибрежному шоссе, на котором ее ждала роскошная машина.

С угрюмой завистью проследив, как незнакомка приближается к роскошному вишневому лимузину, — она то ведь и не заметила, что эта корова" подкатила сюда на иномарке, вообще не поняла, откуда она здесь взялась, — Инга на четвереньках подползла к кепке.

— С ума сойти! Она же расщедрилась на сто баксов! Причем просто так, не взяв картины. Еще и визитку оставила, которую попросту советую выбросить.

— Непростительная щедрость, — продолжал мечтательно смотреть вслед удаляющейся женщине Великий Самозванец Кисти. "Неужели это в самом деле правда, — подумал он, — что, как только в тебе начинает проявляться истинный талант, рядом с тобой немедленно появляется женщина, предназначение которой — превратить тебя в гения?!"

"Ах, какая женщина, какая женщина, — неслоь вслед удаляющейся Ковач. — Мне б такую!".

"Вот именно: мне б такую... И вряд ли эта женщина когда-либо узнает, что оказалась первой, кто в этом городе профессионально отозвался о его работах, отметив в них проблески таланта. Вряд ли узнает, как много значили для меня слова ее поддержки".

— Но тут и в самом деле целых сто долларов, Виктор! — возмутилась Женщина Великого Художника тем, что оказалась вне его внимания.

— Это значит, что мы опять богаты, — безрадосно признал Великий Самозванец Кисти, наблюдая, как вышедший из машины малиново-пиджачный "новый русский"

галантно усаживает незнакомку рядом с собой. – Просто-таки безрассудно богаты...

Одесса,

июнь 2010 .